

2. Квазигеральдические эмблемы.
3. Логотипы.

Несмотря на заметное стремление классических университетов Украины к созданию гербов и квазигеральдических эмблем, в последние годы в знаковой среде учебных заведений заметно возросло количество и разнообразие логотипов – более простых изображений, которые имеют характер товарного знака. Указанная тенденция в целом соответствует актуальным процессам коммерциализации и массовизации университетского образования в Украине.

Учитывая прагматический аспект университетской символики, а именно специфику ее использования (функциональное предназначение) и восприятия (интерпретацию), можно выделить следующие типы эмблем:

1. Консолидирующие (эмблемы, обеспечивающие консолидацию университетского сообщества и выполняющие функции коллективной памяти, что позволяет укрепить внутренние связи университетского сообщества).

2. Регулирующие (эмблемы, конструирующие иерархию отношений в рамках университета и являющиеся инструментом стратификации и мотивации).

3. Номинативные (эмблемы, являющиеся средством отождествления себя с университетом и / или его структурными подразделениями; выступают в качестве инструмента идентификации и защищают университет от «чужаков»).

4. Репрезентативные (эмблемы, представляющие университет внешнему миру и являющиеся частью университетской политики брендинга).

Следует отметить, что границы указанных типов эмблем достаточно подвижны, поэтому некоторые университетские эмблемы можно отнести к нескольким группам одновременно.

Таким образом, создание типолого-классификационных схем эмблем классических университетов Украины позволяют не только проследить эволюцию символики, но и анализировать более общие вопросы традиций и политики памяти не только украинского, но и всего восточноевропейского университетского пространства. Выбор принципов классификации и типологии объясняется, с одной стороны, особенностями возникновения и эволюции университетских эмблем, а с другой стороны, проблемами их выявления и атрибуции.

1. База данных эмблем классических университетов Украины [рисунки] / Е.С. Рачков; Microsoft Access 2010 // Материалы фондов Музея истории Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина. – Ф. 7. Оп. 7. П. 5.
2. Вишленкова, Е. А. Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани / Е.А. Вишленкова, С.Ю. Малышева, А.А. Сальникова. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2005. – 500 с.
3. Зайцев, Б.П. Эмблематика советской Украины: диссертация ... кандидата исторических наук / Б.П. Зайцев; Харьковский государственный университет имени А. М. Горького. – Харьков, 1968. – 249 с.
4. Мазур, Л.Н. Методы исторического исследования: учеб. пособие / Л.Н. Мазур; 2-е изд. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. – 608 с.
5. Майборода, Д.В. Символика отечественных образовательных учреждений середины XVIII – начала XXI в.: диссертация ... кандидата исторических наук / Д.В. Майборода; Московский государственный областной университет. – М., 2014. – 243 с.
6. Посохов, С.И. Символы и эмблемы Харьковского университета: проблемы типологии и эволюции / С.И. Посохов, В.Ю. Иващенко // Znaki i symbole w przestrzeni publicznej / Pod red. A. Jaworskiej, R. Jopa, K. Madejskiej. – Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2016. – С. 113–124.
7. Прокопенко, Ю.А. Эмблемы высших учебных заведений г. Ставрополя 1991 – 2009 гг. (характер их создания, особенности символики) / Ю.А. Прокопенко. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2009. – 106 с.
8. Рачков, Е.С. Візуальна складова практик саморепрезентації класичних університетів України кінця XX – початку XXI ст. / Е.С. Рачков // Wschodni Rocznik Humanistyczny. – 2015. – Том XII. – С. 327–341.
9. Piech, Z. Znaki Uniwersytetu Jagiellońskiego jako system / Z. Piech // Znaki i symbole w przestrzeni publicznej / Pod red. A. Jaworskiej, R. Jopa, K. Madejskiej. – Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2016. – S. 37–76.

Литвина Н.В.

АУДИО, ВИДЕО И ФОТО В ИССЛЕДОВАНИЯХ СОВРЕМЕННОГО СТАРООБРЯДЧЕСТВА: ВОЗМОЖНОСТИ И ЗАДАЧИ КОМПЛЕКСНОГО АНАЛИЗА

Фонды археографической лаборатории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (АЛ) формировались с 1966 года, времени первого археографического выезда, документированного полевым дневником и хранящемся в листах в составе дневника списком книг, полученных для Отдела редких книг и рукописей НБ МГУ (ОРКиР) [8, с. 12–13]. С оформлением в начале 1970-х гг. статуса экспедиций как “комплексных археографических” [9, с. 111–119; 4, с. 120–129] расширился и состав письменного фонда – кроме обязательных

полевых дневников участников экспедиций появились отдельные тетради находок, куда помимо книг, передаваемых затем в ОРКиР, вносились предметы старообрядческого быта, составившие затем этнографическую коллекцию АЛ. До конца 1990-х годов сотрудники АЛ вели переписку со старообрядцами, часть которой также входит в состав письменного фонда.

С 1970 г. в большинстве комплексных археографических экспедиций участвовал фотограф. Фотографии в альбомах и конвертах, а также негативы и слайды составили фотофонд, в котором на сегодняшний день хранится более 10000 ед.хр. [3, с. 102–112] 1972-м годом датируются первые магнитофонные пленки с записями богослужебных фрагментов, духовных стихов [5] и бесед со старообрядцами, которые в 1990-е гг. сменились аудиокассетами, а затем в 2000-е – цифровыми аудиозаписями. Ранние записи (на бабинах) переведены в цифровой формат mp3, продолжается оцифровка аудиокассет. По приблизительным данным аудиофонд – это более 700 часов звучания.

Последний по времени формирования фонд видеозаписей связан с долговременным сотрудничеством АЛ с Центром визуальной антропологии МГУ, которое началось в 1993 г. Видеофонд состоит из записей на кассетах (SVHS, Digital8 и mini DV) и цифровых видеозаписей с 2010 г. Видеокассеты постепенно оцифровываются. Хронометраж постоянно пополняемого видеофонда составляет не менее 600 часов.

Со времени осуществления планомерных видеосъемок, которые проводились в рамках молодой в России научно-практической дисциплины – визуальной антропологии [1] – полученные визуальные материалы многократно использовались для производства антропологических фильмов, в меньшей степени в учебном процессе как демонстрационный материал, а также нередко подвергались так называемой неуправляемой интерпретации в докладах и публикациях [7, с. 32–35]. Сюжеты, которые сразу или со временем используются для монтажа, показа или публикации, обыкновенно автор исследований выделяет из всего зафиксированного массива уже в ходе экспедиции. Научно-справочный аппарат (НСА) состоит обычно из поверхностных описаний материалов, включающих только наименование населенных пунктов, Ф.И.О., название согласия, год рождения информантов, (иногда – общие темы беседы), список участвовавших в записи собирателей и участников события, название праздника, обряда, ремесла. Исходная фиксация ссылок на аудио-видео и фото в полевых дневниках в качестве первичного НСА себя фактически не оправдала, далеко не все сотрудники экспедиций успевают писать дневники ежедневно, забывают фиксировать участие в ходе работы технических средств, не всегда подробно описывают событие и пр.

В итоге огромный бесценный последовательный материал, записанный в нескольких старообрядческих регионах на территории России и СНГ, остается в значительной части невостребованным даже его создателями. Необходимо подчеркнуть, что архив АЛ ежегодно пополняется всеми видами документов в ходе продолжающихся полевых исследований.

Основная задача на сегодняшний день состоит в архивной обработке фондов на новом уровне, с составлением внутренних тематических описей бесед со старообрядцами и перекрестными ссылками между тремя аудиовизуальными фондами.

Исследовательская работа с фондами предполагает формирование специфической прикладной модели анализа не только отдельного видеосюжета краткого или продолжительного, но и выявление типологически сходных сюжетов всего содержимого каждого из трех аудиовизуальных фондов. До сих пор в основном компактные и достаточно насыщенные информационно или событийно сюжеты привлекали авторов-антропологов или исследователей, превращавших такой фильм или статью в своего рода антропологический кейс. Исключением, пожалуй, являются работы О.Б. Христофоровой, основанные на сплошном выявлении ею, в частности, в фондах АЛ сюжетов на тему исследования с последующим подробным анализом в отдельном издании в сочетании с публикацией источников [15, с. 23–276].

Логика формирования архива АЛ с 1993 года (когда в рамках одной экспедиции может быть записано более 30 часов видео, дополненных, но не обязательно дублированных, еще большим объемом аудиозаписей и сопровождаемых фотографиями) побуждает нас объединить в системах не только описания, но и анализа, три аудиовизуальных фонда – фото, аудио и видео.

Методологическая база современной антропологии и смежных дисциплин позволяет решать самые специфические задачи, опираясь на опыт, накопленный когнитивной антропологией, антропологией эмоций, интеракционной социолингвистикой, используя анализ речевого взаимодействия, невербальных аспектов коммуникации и мн. др. [6, 10, 11, 12, 13, 14]. В рамках комплексного анализа, который необходим при работе с фондами АЛ, логично источниковедческие методы, применяемые к технотронным документам, расширять за счет рабочей выборки из спектра методов антропологии и социолингвистики именно потому, что с середины 1990-х годов аудио, видео и фотодокументы создавались под влиянием антропологии. Острота задачи состоит в том, что в настоящее время еще возможно получить максимум воспоминаний исследователей, не вошедших в полевые дневники и не зафиксированных никак иначе.

Приведем следующий пример, связанный с опубликованной тематической выборкой бесед со старообрядцами часовенного (“духовного” и “чувственного”) согласий в Горной Шории [2]. Тексты бесед по замыслу авторов должны были рассказать внимательному читателю о сложностях и стереотипах в коммуникации старообрядцев с соседями – челканцами и шорцами, а также описать широкий социальный, религиозный и исторический контексты этой коммуникации от первого лица – при помощи стенограмм разговоров собирателей со старообрядцами. В итоге даже из количественного анализа текстов становится понятно, что основная тема – соседского или родственного взаимодействия старообрядцев с иноэтничными соседями – занимает в беседах с большинством старообрядцев сравнительно немного места. В поселке, в котором среди старообрядцев жила только одна семья челканцев, старообрядцы позволяли себе высказывать краткие полярные суждения, колеблющиеся от явного пренебрежения до явного же приятия: «Но раньше жили так, что шорцы отдельно жили, а русские, значит, отдельно жили. И этого не было, то, что... В смешности жить. <...> Имя не на чё было пить. Не на чё. Вот посмотришь на них, как они жили! Батенька мой!» [2, с. 15] Или, например: «Вон, Петруша Бурчаков, он говорит: “Слушай, дружка, маленько садица надо, садица беседовать”. Такой славнецкий шорец был. Не курил, ничего. Такой делаек» [2, с. 66]. В соседнем поселке, где численность старообрядцев и шорцев приблизительно равна, риторика описания соседей старообрядцами несколько меняется, в проговорах основной доброжелательной линии проскальзывает снисходительность: «Я говорю, можно и на равных. Просто они себя ниже как-то чувствуют. Или русские их унижали, или они сами себя так чувствовали. А теперь же они довольно грамотные» [2, с. 89]. Или, например: «У нас вот, в нашем классе, вообще шорец хорошо учился. Он отличник. – Он алтаец. – Ну, а какая разница?» [2, с. 85]. В беседах со старообрядцами второго поселка увеличивается и длительность описания конкретных контактов с шорцами, их традиций.

Рассматривая весь опубликованный массив бесед со старообрядцами, мы сталкиваемся с двумя основными тактиками собирателя: 1) в компактных интервью, приведенных целиком, собиратель чаще всего не развивает, останавливает при помощи вопроса, интересные по содержанию ответы и воспоминания информанта, 2) собиратель следует за повествованием информанта, разворачивая беседу вопросами. Для того чтобы понять причины поведения собирателя, необходимо проследить эти сюжеты по трем аудиовизуальным фондам. Так книгу публикаций открывает пример первого подхода – интервью с Е.И. Мелехиным, расшифрованное с видеозаписи. Параллельная аудиозапись, не вошедшая в публикацию, сохранила несколько фраз знакомства. Видео и фотографии Ефрема Ильича во время интервью многое объясняют – беседа состоялась на дороге у дома информанта. Во время первой беседы-знакомства старообрядец не был настроен звать гостей в дом; момент, когда пожилой человек устанет и попросится, угадать трудно, поэтому собиратель постарался успеть выяснить основные вехи биографии и коснуться темы взаимоотношений с живущими в поселке челканцами. В свою очередь длительные беседы с Л.Е. Каракуловым проходили на крыльце, где у информанта стоял обжитой стул – там ему удобно было не только принимать гостей, но и проводить время отдыха, там Лаврентию Евграфовичу было комфортно подолгу беседовать с собирателями.

Публикация стенограмм, конечно, облегчает поиск и дальнейший тематический анализ материала, дает возможность изучать процесс коммуникации, однако имеет существенный недостаток: книга не содержит сюжетного указателя. Проблема разработки и создания сюжетного указателя распространяется на всю систему описания аудиовизуальных фондов АЛ.

Помимо разного рода тематических исследований, изучения речевой и невербальной коммуникации, аудио и видео источники представляют отдельный интерес для детального лингвистического анализа, как диалектных особенностей языка информантов, современных заимствований, так и языковых формул традиционной культуры. Перед прощанием Е.И. Мелехин говорит: «Много кой-чего неладно сказал, дак вы это во внимание не берите» [2, с. 15] – так он адаптирует незнакомым слушателям принятую у старообрядцев традицию во время прощания просить прощение за многословие.

1. Александров, Е.В. Опыт рассмотрения теоретических и методологических проблем визуальной антропологии / Е.В. Александров. – М.: Пенаты, 2003. – 97 с.
2. Бойко, И.В. Чулеш и Килинск, XXI век. Межкультурная коммуникация староверов-беспоповцев, челканцев и шорцев. Полевые материалы 2001–2005 гг. / И.В. Бойко, Н.В. Литвина. – М.: Археодоксия, 2005. – 209 с.
3. Дадькин, А.В. Фотоархив Верхокамья: состав, структура, особенности описания / А.В. Дадькин // Традиционная культура Пермской земли: К 180-летию полевой археографии в Московском университете, 30-летию комплексных исследований Верхокамья. – Ярославль : Ремдер, 2005. (Мир старообрядчества. Вып. 6). – С. 102–112.
4. Кобяк, Н.А. Филологические задачи в рамках комплексных исследований района старообрядческих слобод Брянщины и Гомельщины / Н.А. Кобяк, О.В. Кукушкина // Из истории фондов Научной библиотеки Московского университета. – М.: МГУ, 1978. – С. 120–129.
5. «Кому повем печаль мою». Духовные стихи Верхокамья: исследования и публикации. – М.: Даниловский благовестник, 2007. – 332 с.
6. Kumbier, D., Schulz von Thun, F. Interkulturelle Kommunikation: Methoden, Modelle, Beispiele / D. Kumbier, F. Schulz von Thun. – Reinbeck bei Hamburg : Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2006. – 351 S.
7. Литвина, Н.В. Старообрядка, правнучка шамана / Н.В. Литвина // II Всероссийский форум «Многоязычная Россия: этнология и киноантропология». Тезисы и материалы. 13-14 апреля 2009 г., г. Екатеринбург. URL: http://ethnobs.ru/other/263/_aview_b18669. Дата обращения: 22.03.2017
8. Поздеева, И.В. В поисках прошлого ради будущего / И.В. Поздеева // Язык, книга и традиционная культура позднего русского средневековья в науке, музейной и библиотечной работе: Труды III Международной научной конференции (Москва, 2014 г.) – М.: Археодоксия, НКТ, 2016. (Мир старообрядчества. Вып. 9.). – С. 12–52.
9. Поздеева, И.В. Территориальная книжная коллекция и задачи комплексных археографических исследований / И.В. Поздеева // Из истории фондов Научной библиотеки Московского университета. – М.: МГУ, 1978. – С. 111–119.
10. Прохоров, Ю.Е. Русские. Коммуникативное поведение / Ю.Е. Прохоров, И. А. Стернин. – М.: Флинта, 2006. – 326 с.
11. Рис, Н. «Русские разговоры»: Культура и речевая повседневность эпохи перестройки / Н. Рис / пер. с англ. Н. Кулаковой и В.Б. Гулиды; предисл. И. Утехина. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – 368 с.
12. Schegloff, E.A. Sequence Organization in Interaction: A Primary in Conversational Analysis / E.A. Schegloff. – Cambridge, New York, Melbourne, Cape Town, Singapore, São Paulo : Cambridge University Press, 2007. – 300 p.
13. Streeck J., Knapp M. L. The Interaction of Visual and Verbal Features in Human Communication / J. Streeck, M. L. Knapp. // Advances in Nonverbal Communication / F. Poyatos (ed.). – Amsterdam; Philadelphia : John Benjamins, 1992. – P. 1–23.
14. Утехин, И.В. Невопросительные вопросы и интеракционный подход к контексту / И.В. Утехин // ACTA LINGUISTICA RETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. IX. Ч. 3. Сборник статей к 60-летию Евгения Васильевича Головки. – СПб.: Наука, 2013. – С. 81–95.
15. Христофорова, О.Б. Икота. Мифологический персонаж в локальной традиции / О.Б. Христофорова. – М.: РГГУ, 2013. – 303 с.

